Из жизни облаков

Евгений Федоровский

SHOUT
SHARE
IT

- Федоровский Евгений

Федоровский Евгений
Из жизни облаков

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ
ИЗ ЖИЗНИ ОБЛАКОВ
Повесть

Когда мы встречались с Ариком, нам приходила на память одна и та же сценка из давнего прошлого. Мы вспоминали наше авиационное училище, которое хоть и поманило небом, но не связало кровным родством... Я слышу откуда-то издалека свою фамилию, произнесенную скрипучим голосом. В бок упирается острый локоть Арика. Сделав над собою усилие, возвращаюсь из сладкой дремы в горькую реальность. Веки жжет от недосыпа, на щеке - рубец от кулака, подложенного под голову. Поднимаюсь и обалдело гляжу в ту сторону, где сидит подполковник Лящук, он же Громобой.

- Милости прошу, - притворно-ласково изрекает Громобой.

Два наряда вне очереди мне уже обеспечены - это я понимаю еще до того, как подхожу к доске и уныло рапортую, что к ответу готов.

"К ответу готов" - так требовалось докладывать по уставу. На самом же деле я ничегошеньки не знал. Вернувшись из караула, полчаса долбил морзянку, на самоподготовке зубрил теорию полета, матчасть, навигацию, аэродинамику, оставляя на потом метеорологию - науку путаную, трудно поддающуюся заучиванию и вообще, по нашему разумению, бесполезную.

Другого мнения придерживался подполковник Лящук, терзавший нас премудростью атмосферных фронтов и циклонов, турбулентных потоков, туманов и гроз, типами облаков в небесах.

Нахмурив совиные брови, Громобой роется в памяти, ищет вопрос позаковыристей. Нашел! Глаза искрят радостью.

- Что такое состояние окклюзии?

Я тупо смотрю на него.

За передним столом ерзает отличник Калистый, выказывает готовность отвечать. Но остальные смотрят на меня с состраданием, радуясь в то же время, что сегодня не они, а я попал под колпак Громобоя. Подсказывать никто не решается - у подполковника уши, словно локаторы, нацелены на класс. Лишь Арик с уютного последнего ряда пытается подсказать знаками, клацает зубами, волнообразно планирует рукой.

- Это когда холодный воздух падает на теплую землю... Нет! Теплый на холодную...

Громобой видит невразумительные потуги Арика, но кивает Калистому. Тот вскакивает и на едином выдохе отбивает с частотой скорострельного пулемета ШКАС:

- Окклюзия циклона - вытеснение теплого воздуха в высокие слои атмосферы холодным воздухом. Сопровождается образованием слоисто-кучевых, кучево-дождевых, высокослоистых и перистых облаков. Грозит туманами, моросью, болтанкой, грозами, обледенением!

Удовлетворенно кивнув, Лящук старательно выводит в журнале Калистому пятерку, мне - двойку, Арику - тоже двойку:

- Доложите старшине о соответствующем количестве баллов.

Арик сунулся было: "Мне-то за что?!" Но вовремя умолк. Громобой, рассвирепев, может поставить и единицу. О ней пришлось бы докладывать самому командиру эскадрильи майору Золотарю, а тот был скор на расправу. Лучше уж порадовать старшину. Ему теперь не надо ломать голову, кого назначать в наряд. Контрольно-пропускной пункт нам не доверят, в карауле были только что, прямая дорога - на кухню. Там станем рубить прелые осиновые чурки, выковыривать глазки из картошки после машинной чистки, чистить котлы величиной с царь-колокол...

Следующий урок метеорологии через три дня. Успеем оклематься.

Мы ненавидели метеорологию так, как можно ненавидеть кровного врага. Переводили нас с курса на курс лишь благодаря тому, что мы успевали по другим предметам, и начальнику УЛО*, очевидно, приходилось уговаривать Громобоя ставить нам переходную тройку.

_____

* Учебно-летный отряд.

Закончив училище и попав в полк, который перегонял машины с заводов в строевые части, метеорологией мы стали заниматься меньше. Общение с синоптиками ограничивалось теми минутами, когда они знакомили нас с метеоусловиями по маршруту или когда мы в полете докладывали о наблюдаемой погоде. А после посадки давали им на подпись полетный лист.

Иногда непогода загоняла нас на запасной аэродромчик. Перечитав подшивки старых газет, обалдев от скуки, мы принимались костерить на чем сват стоит опостылевшую непогоду, а заодно и синоптиков, словно они были виноваты в неожиданно свалившемся циклоне. Особенно усердствовал в этом Арик. Не знал, не гадал он, что судьба с мстительной памятливостью сделает его аэрологом.

В авиации долго служить не пришлось. Однажды перед нами встал выбор: переучиваться на новую технику или уйти в запас и

на гражданке, пока не поздно, осваивать другую специальность. Мы предпочли второе. Артур закончил географический факультет университета, позимовал в Антарктике и Арктике, потом стал работать в обсерватории и так увлекся своей работой, что, когда в поле его зрения оказалась моя грешная персона, он счел своим долгом обратить меня в свою веру. В один из дней Артур попросил срочно приехать к нему на работу.

- Ты помнишь, как мы презирали метеорологию?! - с пафосом воскликнул он, едва поздоровавшись. - Это не просто наука, это поэма, симфония, мудрость тысячелетий!

Арик метнулся к шкафу, выхватил огромный фолиант, вознес его над головой, будто собирался швырнуть им в меня, неуча.

- Прочти и подумай! - Очки слетели с его острого носа на пол.

- Весьма тронут твоим вниманием, но мои дела не настолько плохи, чтобы я брался за метеорологию, - сказал я, напыжившись.

- Ты будешь читать, - зловеще произнес Арик. В его тоне было столько уверенности, что я задумался. На гражданке, кажется, я уже перебрал все специальности и ни на одной не мог остановиться. Любопытно, что предложит мне Арик?

- Что ты от меня хочешь? - спросил я напрямик.

Несколько секунд Артур беззвучно шевелил губами и вдруг вскричал:

- Да оторвись ты от своего корыта! Слушай! У нас в эллинге лежит оболочка аэростата. На нем когда-то летал аэронавт Сенечка Волобуй, странное имя, не правда ли?.. Я хочу вдохнуть в оболочку жизнь и полететь!

- И хочешь взять меня?

- Тебя и Сенечку, он болтается в нетях. Надо найти его. - Арик сел, положил на стол длинные руки. - Но чтобы ты мог попасть в обсерваторию, ты должен в ней работать. Вообще-то у тебя есть какая-нибудь серьезная специальность? (Литературу в расчет он не принимал.)

- А какая требуется?

Он снял телефонную трубку, набрал номер начальника отдела кадров.

В отделе кадров сказали: требуется дежурный электрик. Восемь суток дежурства в месяц и сто двадцать рублей в зубы. Электриком я тоже когда-то работал.

- Согласен? - спросил Арик.

- Только ради того, чтобы слетать.

Так я стал специалистом по светильникам, конденсаторам, выключателям и перегоревшим лампочкам. Старший электрик Зозулин отвел мне в дежурке подвала шкафчик для одежды и личного инструмента, проинструктировал по технике

безопасности и включил в график дежурств. Вышло, что дежурить надо в первые же сутки. Затем Зозулин провел меня к главной щитовой, куда подходила силовая линия и где электричество распределялось по корпусам. Он объяснил систему освещения в кабинетах, коридорах и конференц-зале, лазали мы и на чердак, где глухо урчали электромоторы, питавшие лифты и вентиляторы.

Потом весь день я принимал по телефону заявки и бегал по кабинетам и лабораториям, заменяя лампочки, разбитые розетки, дроссели в светильниках, наращивал к настольным лампам провода, которые от очередной перестановки столов оказывались короткими. У меня создалось впечатление, что все грандиозное электрическое хозяйство обсерватории вдруг подверглось разрушению, как после землетрясения, и мне теперь придется его восстанавливать.

Когда закончился рабочий день, я обошел корпуса, выключил свет, оставленный забывчивыми сотрудниками, и вернулся в дежурку. Зозулин долго колготился, опасаясь оставлять меня одного. Наконец ушел и он. Я смел сор с верстака, застелил столик новой газетой. Выключил радио. Наступила благостная тишина. Достал том по воздухоплаванию и разлегся на старом пружинном диване.

Итак, Артур вознамерился оживить воздушный шар. А что ж тут удивительного?! Зачем-то люди восстанавливают "ситроены" и "фордики" двадцатых годов, пересаживаются с "Жигулей" на велосипед, с бездушного трактора на верного коня, парят на дельтапланах...

В фолианте, что дал мне Артур, рассказывалось о пламенной истории свободного аэростата, о проектах гениального Леонардо да Винчи и великого Гёте, первом полете Пилатра де Розье и д'Арланда и о том, как братья Монгольфье получили от короля дворянское звание и на своем гербе начертали прямо-таки пророческие слова: "Так поднимаются к звездам".

За окном брезжил рассвет, а я все не мог оторваться от чтения. Истории, одна увлекательней другой, раскрывались мне со всеми причудливыми, почти фантастическими и в то же время житейскими подробностями. Гремело по Европе имя воздухоплавателя Бланшара. Своими полетами ввергал он в смятение жителей Нюрнберга, Лейпцига, Берлина... Затем он преодолел Ла-Манш, а после перебрался в Америку. Но азартным балбесам Нового Света, поднаторевшим на истреблении индейцев, подавай чего-нибудь такое, что щекотало бы нервы. Бланшар впал в отчаянье и скоро умер. Тогда по стопам мужа пошла жена Бланшара. На ее представлениях темпераментные

янки швырялись кожаными мешочками с золотым песком и палили из пистолетов. Не удовлетворившись простыми полетами, она удумала однажды пустить из корзины фейерверк. Ракета попала в оболочку, наполненную водородом. А этот газ взрывается сильней гремучей ртути. Несчастная воздухоплавательница упала на крышу дома, оттуда скатилась на мостовую... Это была первая жертва среди женщин, но далеко не последняя, поскольку необузданный и непредсказуемый нрав "слабого пола" издавна удивлял нашего брата.

Я незаметно уснул, и снились мне чудаки в париках и камзолах, старорежимные дамы в одеяниях римских матрон парили по воздусям, а за ними сквозь пакость окклюзии наблюдал подполковник Лящук - Громобой. Потом встревоженной голове примерещился Сенечка. Почему-то на садовой скамейке в мокром парке.

Проснувшись, я сразу же вспомнил о Сенечке и тут же решил приступить к поискам. К счастью, они оказались недолгими: Волобуя вспомнил вахтер в проходной. Он объяснил, где тот жил раньше.

С двери Сенечкиной квартиры на меня подозрительно смотрел матовый, как бельмо, глазок. Я нажал на кнопку. За толстой дверью мяукнул колокольчик. Звякнула цепь. В проеме показалась рослая, под метр восемьдесят, женщина в халате. Ее лицо было жирно намазано кремом.

- Семен Семенович Волобуй здесь проживает?

- Проживает, - хмыкнула женщина и посуровела. - Ночует иногда, а не проживает!

Она распахнула дверь. В интерьере квартиры главное место занимали ковры и внушительная импортная стенка, за стеклом которой, как в музейной витрине, красовалась фарфоровая и хрустальная посуда.

- Мне поручил найти его Артур Николаевич, - сказал я, присаживаясь на краешек стула.

- Зачем это вдруг Воронцову понадобился Сенечка?!

Я развел руками и чуть не смахнул статуэтку со столика.

- Где же мне искать его?

- Скорее всего на "Мосфильме".

- Снимается?!

- Не знаю, что он там делает, но пропадает днями и ночами.

Пробился на "Мосфильм" я с большим трудом, долго бродил по этажам и коридорам, читал таблички на дверях, где указывались фамилия режиссера и рабочее название фильма. Думалось, картина, в которой мог участвовать бывший аэронавт, должна называться не иначе, как "Барьер неизвестности", "Там, за

облаками", "Небо зовет" или что-то в этом роде. Похожих названий не оказалось. Но тут на задворках зашелся в треске знакомый по училищным временам М-одиннадцатый. Такие стосильные моторы стояли когда-то на ПО-2 и Яках. Я рванулся на звук. Перебравшись через завал отработавших свое макетов, увидел палубу миноносца, окатываемую водой из пожарных шлангов. Ветер, создаваемый винтами, хлестал по красным лицам матросов. Угольные "диги" метали свет с яростью полуденного солнца. Около укрытых зонтами кинокамер суетились операторы.

А в тени деревьев на дощатом помосте невозмутимо возлежал человек в синей спецовке и летном шлеме. Сенечка! - бухнуло под сердцем.

Режиссер, примостившись на операторском кране, точно кулик на кочке, что-то сказал в мегафон. Из-за рева мотора его никто не услышал, но все поняли: перерыв. Потухли прожектора, опали водяные струи, отфыркиваясь и отжимая бескозырки, побежали в бытовку статисты. Сенечка не спеша поднялся с ложа, перекрыл краник бензобака. Мотор пульнул сизым дымом и заглох.

- Через десять минут дубль! - наконец прорезался режиссерский мегафон. Кран опустил свой хобот, ссадив главного оператора и режиссера наземь.

По виду возраст Сенечки не поддавался определению. Ему можно было дать и тридцать, и пятьдесят. На плоском загорелом лице совсем не было морщин.

- Здравствуй, Сеня, - поздоровался я, приблизившись.

- Привет, коль не шутишь, - ответил он, силясь вспомнить, где мог со мной встречаться.

- Тебя Артур Николаевич ищет.

Весть встревожила Сенечку. Он быстро-быстро заморгал глазами:

- Зачем, не сказал?

- Хочет лететь на аэростате.

Сенечка выхватил из кармана сигарету, ломая спички, прикурил. Сделав затяжку, бросил сигарету в кусты, начал быстро переодеваться.

- А дубль?

- Черт с ним, едем к Артуру!

- Он велел прийти завтра.

- Вспомнил, где тебя видел! - воскликнул Сенечка. - У Артура на фотографии. Вы вместе служили!

Сенечка опять влез в свой комбинезон, открыл краник подачи топлива, подсосал бензин в карбюраторы. Операторская стрела снова вытянула хобот.

- Готов, Сеня? - спросил режиссер механически и тут же закричал в мегафон. - Внимание массовке! Сейчас пиротехник рванет небольшую шашку. Больше прыти! К бою!

Ассистенты оператора поставили свет, замерили люксометрами освещенность, рассчитали глубину резкости. Сеня застыл у своего агрегата, как спринтер на старте. В руках он держал резиновый амортизатор, накинутый на торец винта.

- Ветер, Сеня!

Сеня рванул амортизатор на себя. С чохом взвыл двигатель. Тугая струя горячего воздуха разметала водный поток из брандспойтов.

- Мотор!

Хлопнул взрыв-пакет, выбросив ядовито-желтое облако. По жестяной палубе забегали матросы. Тяжело заворочался задник с грубо намалеванным свинцовым небом и морем, создавая иллюзию штормовой качки.

Ветер сорвал с Сени берет, растрепал волосы - не то пегие, не то седые, и я подумал: он тоже из лихого флибустьерского племени, которое еще не перевелось на земле.

Я заступил на дежурство и на другой день, решив набрать побольше отгулов. Сенечка появился в нашем подвале чуть свет. Вскоре пришел и Артур.

Мы направились на окраину летного поля, заросшего лопухами, осотом, викой. Там, за кладбищем ржавых баллонов, бочек и разбитых самолетов, стоял похожий на зерносушилку эллинг. Подходы к нему ограждала колючая проволока, потому окна были целы, хотя из-за многолетней пыли едва пропускали свет. Распугав ораву одичавших котов, мы сбили с дверей окаменевший от ржавчины замок и вошли в гулкую сумеречную пустоту. Здесь было сухо, как в Каракумах. Вдоль стен тянулись стеллажи из потемневших досок. На них лежали бухты веревок, связки блоков-кневеков, похожих на тали из старинного морского такелажа. Рядом стояли банки с олифой и краской, мастикой и клеем. Сверху свисала цепь подвесной подъемной лебедки.

Под огромным брезентовым чехлом покоилась оболочка аэростата. Мы стянули брезент, взвихрив тучу пыли. В клубке спутавшихся веревок Сенечка нашел кольцо металлического клапана, привязал к крюку тали и стал поднимать оболочку, быстро перебирая цепь руками. Прорезиненная шелковая туша медленно разворачивалась, вытягивалась к потолку, низвергая с себя потоки пыли, талька и алюминиевой краски. Волобуй застопорил подъемник и полез по лестнице вверх. Балансируя, словно канатоходец, он прошел по балкам и закрепил оболочку. На первый взгляд, она совсем не пострадала. Наверняка спасли ее

вездесущие коты, вытесненные из деревенских домов новостройками Подмосковья и разогнавшие здесь крыс и мышей.

Недалеко от раздвижных ворот эллинга находились подсобка и небольшая мастерская. Мы прошли туда. Инструмент, конечно же, растащили, токарный станок раскурочили, но снять тиски с заржавленных винтов, уволочь наковальню не смогли. Молча мы опустились на побуревшую скамью.

- Меня волнует, сможет ли эта хламида полететь? - наконец вымолвил Арик.

- Раз она летала, значит, полетит, - резонно заметил Сенечка. Добудем компрессор, накачаем, узнаем, где утечка, поставим заплаты.

- Перво-наперво надо узнать, на чьем балансе висит вся эта аэронавтика, - подал я голос.

- Ее не то дважды, не то трижды списывали!

- И все же лучше уточнить. Ничейная - еще не значит наша.

- Ладно, это беру на себя, как и всю организационную сторону, сказал Артур.

- Тогда я тяну сюда кабель, восстанавливаю свет и привожу в порядок станки. Сеня занимается оболочкой и такелажем. Ему бы тоже какую-нибудь должность...

- Пойдешь сантехником?

Санечка хлопнул ладонью по своему острому колену:

- Жену на диету, объявлю вегетарианский месяц!

- А кино?

- Ухожу в бессрочный. Пусть штилюют.

Составляя список неотложных дел и необходимых материалов, мы с самого начала встали на верный путь - все делать самим. По горькому опыту знали: подключим организации - задушат накладными расходами, завалят бумагами, растащат весь пыл на согласования и в конце концов похерят наше начинание. Ну а уж потом поглядим, под чье начальство подвеситься. Не получится с обсерваторией, задействуем ДОСААФ - потом пусть бросают с гондолы хоть десант.

- Кстати, где гондола? - спросил Арик.

Разыскивая гондолу, обнаружили в эллинге еще одну дверь. Ее запирала пластина из рессорной стали и амбарный замок. Пришлось сбегать за ножовкой в свой подвал. По дороге я заприметил трансформаторную будку. Оттуда к эллингу должен идти кабель. Надо спросить Зозулина, убрали его или нет, когда списывали эллинг с баланса. Старик должен помнить.

Сталь у замка оказалась кованой, современное полотно садилось быстро, через какое-то время замок мы все же одолели. Тесный бетонный коридорчик уводил под землю к еще одной

двери, однако не такой уж прочной. Расправившись с ней, мы обнаружили склад. На стеллажах торпедными головами лежали наполненные газом баллоны, обильно смазанные тавотом. Баранками висели связки запасных блоков, карабинов, колец. Удавом темнел толстый гайдроп. Было и два якоря, похожих в полумраке на камчатских крабов. В одном из ящиков хранились брезентовые мешочки для балласта, в другом покрытые металлической стружкой экраны-флюгеры для пеленгации.

А в углу стояла целехонькая ивовая корзина, переплетенная для большей прочности парашютной тесьмой. Она была рассчитана на троих. Сенечка легко вспорхнул в нее и долго возился там, точно наседка в гнезде. Минуту спустя он подал голос:

- Та самая. На ней и летали... Но что-то я не заметил одного существенного механизма. А он у нас был и хорошо работал.

Арик вопросительно взглянул на Сенечку.

- Нет компрессора!

- Стоп! - Артур наморщил лоб. - Год назад для подстанции рыли котлован...

- У рабочих мог быть свой компрессор.

- Сходим туда. Вдруг...

Когда мы закрыли двери и собрались уходить, всем сразу пришла одна и та же мысль: а кто будет охранять найденные сокровища? Увидев движение у заброшенного эллинга, обсерваторцы просто любопытства ради растащат все оставленное для нас неведомым капитаном Немо. Если оформить Волобуя, скажем, не сантехником, а сторожем, то надо пробивать через начальство дополнительную должность, хотя и не обременительную для миллионного бюджета, но ощутимую в глазах всевидящего контрольно-финансового ока, брать на баланс все хозяйство, назначать комиссию, которая провозится не меньше месяца. Так что идея со сторожем отпала тут же.

Сенечка раздобыл кусок пластилина и на все двери поставил пломбы, тиснув гербом обыкновенного пятака. Случалось, такие пломбы держали крепче любых запоров.

Компрессор мы обнаружили там же, где рыли котлован. Правда, все, что поддавалось ключу, было отвернуто, согнуто, оборвано. Но уцелели остов, блоки, неподъемные маховики - скелет, к которому мы полегоньку-помаленьку натаскаем мяса.

Без раскачки, по-авральному мы взялись за работу. Сенечка сумел оформиться переводом, поклявшись при любой надобности откликнуться на зов искусства. Дождавшись минуты, когда старик Зозулин после обеда впал в блаженное состояние, спросил его, не подходил ли кабель к трансформаторной.

- Он и сейчас там.

Я помчался к будке и обнаружил отсоединенный конец кабеля, замотанный изоляционной лентой, как культяпка. Потом нашел ввод в эллинг. Обесточенные провода подвел к рубильнику. Вооружившись переноской, кусачками и отверткой, вернулся к будке и, "прозвонив" концы, подсоединил их к сети. Эллинг озарился огнями.

Так у нас появились электричество и своя крыша над головой.

За пятьдесят с лишним лет существования обсерватория обросла свалками, как корабль ракушками. Не выходя за пределы территории, мы набрали все недостающие детали для станков и компрессора. Сначала заработал токарный ДИП, потом присоединился к нему фрезерный станок.

Освещенный и подававший звонкие производственные шумы эллинг привлек внимание обсерватории. Таблички с грозной надписью "Посторонним вход воспрещен!" возымели обратное действие. К эллингу повалили любопытные.

И вот тогда Сенечка приволок огромную образину, имевшую дальнее сходство с мохнатой кавказской овчаркой, пегим догом и гладкошерстным рыжим боксером. От разнопородных предков эта собака унаследовала самые отвратительные черты. Мало того, что она была страшна, как собака Баскервилей. Она много жрала, опустошая наши тормозки, гоняла котов, вызывая их яростный вопль. Надо было серьезно браться за ее воспитание. Увы, скоро оказалось, что мы с Сеней расходились в педагогических концепциях. Я отстаивал древнеримский принцип "кнута и пряника". А поскольку пряников пес уже отведал вдоволь, очередь была за кнутом. Сенечка выдвигал более гуманную идею воспитания на личном примере. По его мнению, вина бездомного бродяги была не так уж велика, поскольку ему негде было усваивать хорошие манеры.

Все же у собаки оказалось и одно достоинство, может быть, главное. Она отпугивала. Увидев человека, замыслившего разжиться у нас чем-нибудь, она мчалась навстречу, высунув лоскут красного языка и не издавая лая. Она взвивалась на дыбы перед "обезноженным" от страха и неожиданности страдальцем и клацала клыками, точно капканом. Не в силах сбавить скорость, псина описывала длинную дугу для повторной атаки. Этого мгновения человеку хватало, чтобы выпасть из полуобморочного состояния и сообразить, что делать дальше. Когда собака выходила на финишную прямую, человек уносил ноги быстрее олимпийца. До преследования жертвы пес не опускался. Вскинув ногу, он сердито делал отметку на границе своих владений и отбегал на облюбованный им взгорок, откуда хорошо

просматривались подходы к эллингу.

Чтобы узаконить для него это место, мы соорудили будку. Оставалось придумать кобелю имя. Из затруднения вывел Арик, при виде которого у безродного пса обнаружился еще один изъян. Он оказался подхалимом. Уж не знаю, чего начальственного учуял пес в невидной фигуре Арика, но он выскочил из своего логова с радостью, с какой эскимос встречает луч солнца после полярной ночи. Он барабанно забил хвостом, выколачивая блох, подал голос.

- Митька, - Арик потрепал загривок и воззрился на нас, остолбеневших от этой сцены.

- Ты знаешь эту собаку? - наконец спросил Сенечка.

- Первый раз вижу.

- А откуда кличка?

- Разве он на Митьку не похож?

- Но ведь этот террорист вогнал в страх всю обсерваторию!

- Мне уже жаловались и грозились...

- Тогда почему он тебя не съел?

- Потому что в отличие от вас, разгильдяев, у него развито чувство субординации.

Так пес обрел имя. Он признавал только нас троих. Сообразив, очевидно, что кошачья стая тоже имеет какое-то отношение к эллингу, он примирился и с кошками. А когда мы поставили его на скромный, но по-солдатски сытный рацион, он перестал разорять наши тормозки. Разгладилась, маслянисто заблестела шерсть, появилась благородная осанка. Вот что значит, когда собака чувствует себя при деле!

Потихоньку мы перебрали автомобильный мотор и, поставив его на обкатку, взялись за компрессор. Хотя он был старой конструкции, но оболочку мог накачать минут за тридцать. Нам важно было проверить надежность швов и поставить заплаты там, где мог просачиваться газ. Осматривать оболочку решили с помощью люльки, подвешенной к балке под крышей эллинга.

Артур тем временем начал сколачивать группу энтузиастов аэронавтики, чтобы не ломиться к начальству в одиночку. Среди старых ученых оказались те, кто летал на аэростатах. Их не надо было убеждать. Особенно ценными оказались советы Гайгородова, старейшего аэролога, воздухоплавателя. Маленький, подвижный, с веселыми морщинками вокруг глаз, Георгий Михайлович отвел Артура в уголок и по привычке дернул за лацкан пиджака:

- Чем смелей проект, тем легче его пробить. Каждый отдел даст вам свой круг проблем. Мы их обобщим на ученом совете.

- Не рано ли?

- Боитесь, ощиплют, пока не обросли перьями? - прищурился Георгий Михайлович. - В последний раз я летал на аэростате двадцать пять лет назад. Не все удалось использовать в статьях, но записи я сохранил. Даже если вы проведете исследования по моей программе, то сразу увидите разницу в показаниях. Помните девиз на гербе Монгольфье?

- Си итур ад астра.

- Вот и поднимайтесь к звездам. Пора!

Чем выше поднимались аэростаты, тем острее вставал вопрос о влиянии высоты на человеческий организм. Путь наверх преградили не только адский холод, но и кислородное голодание.

В 1862 году английский метеоролог Глейшер и его спутник Коксвель достигли огромной по тем временам высоты - 8330 метров. Но этот полет едва не стоил им жизни. Задыхаясь в разреженной атмосфере, Глейшер потерял сознание. А Коксвель, обморозивший руки, с трудом дополз до клапанной веревки, ухватился за нее зубами и выпустил из шара водород.

В апреле 1875 года аэронавты Тиссандье, Кроче-Спинелли и Сивель пошли в полет, запасшись тремя мешками воздуха с кислородом.

Но в этом полете погибли Сивель и Кроче-Спинелли. Потрясенные французы соорудили аэронавтам прекрасное надгробие, которое до сих пор стоит на кладбище Пер-Лашез. Гастон Тиссандье утверждал, что, ослабев, его товарищи выронили изо рта трубки кислородных подушек и задохнулись от нехватки кислорода...

И все же люди продолжали летать. Еще больший эффект в воздухоплавание принесла фотография. Изображение земли с высоты, реки, города, фермы, снятые с непривычного ракурса, размножались в тысячах открыток. На снимки смотрели так же, как мы разглядываем голубой шар Земли, сфотографированный из космических далей. Стало возможным запечатлевать и многообразные формы облаков, и рождение циклонов, вихрей и атмосферных фронтов.

...Обдумывая служебную записку, Артур намеревался изложить эти сведения. Они поистерлись в памяти стариков, а у молодых наверняка вызовут снисходительную усмешку: "Вы бы еще пращой, да в небо..." Но запуск ракеты - это выстрел чистым золотом. "Огромный расход не всегда оправдан и часто не дает того, что требуется метеорологии", - думал наш ученый друг.

Пока Артур бился над докладной запиской, вел переговоры с отделами, убеждал неверующих, вдохновлял нерешительных, мы надули оболочку и сразу обнаружили несколько серьезных проколов. Зачистив прорезиненную ткань напильником и

шкуркой, мы обезжиривали ее ацетоном, заплату из сырого каучука придавливали прессом, внутри которого горела тысячеваттная спираль. Каучук навек срастался с оболочкой.

Убедившись в отсутствии посторонних на вверенном ему участке, прибегал в эллинг Митька, ложился у порога, клал безобразную морду на вытянутые лапы и кроткими, виноватыми глазами смотрел на нас, словно хотел сказать: "Я рад бы помочь, но не мое это собачье дело".

Самый наглый из котят - Прошка, который в отличие от других сам давался в руки, приблизился к псу, нервно поводя хвостом и выгнув на всякий случай спину. Его подмывало познакомиться с Митькой, но язык повадок, взглядов во многом отличался у них, как и у людей, скажем, африканского племени Або и коренных оксфордцев. Однако пес по каким-то ужимкам понял, что у маленького пройдохи чистое сердце. Он лениво шевельнул хвостом: валяй, мол, дальше. И Прошка уселся прямо перед огромной пастью Митьки, состроив равнодушную мину на усатой мордочке. Пес ткнул его языком, и дружеские отношения были установлены.

На ремонт оболочки ушла неделя. Не скажу, что она была легкой. В те моменты, когда в эллинге было дел по горло, по закону подлости в административных корпусах переставали работать сливные бачки, текли краны, перегорали лампочки, гудели дроссели, сотрясая лампы дневного света и нервируя сотрудников. Какой-то обормот сжег кипятильник, отчего вырубились автоматы-предохранители главного корпуса. А тут еще подоспело время регламентных работ электродвигателей.

Пыхтел недовольно Зозулин. Что-то в электричестве он мог устранить сам, так нет! Получив заявку, названивал в эллинг, куда мы провели телефонную времянку, и, не скрывая злорадства, гудел в трубку:

- В химлаборатории лампа замигала. Надо заменить.

- Ну так замените!

- Я не дежурный электрик.

- Ну, вы же, Григорьич, понимаете, не бежать же мне из-за такой ерунды километр от эллинга и обратно! Мы же не только для себя стараемся для науки!

- Дурачок, ведомо ли тебе, Зозулин пинком распахивает дверь в кабинет директора? - вспылил Арик, узнав об инциденте.

- Но Зозулин теперь не звонит по пустякам!

- Зозулин сейчас звонит в другие места!

Однако старик, сам того не ожидая, с шаткой почвы мечтаний поставил нас на твердый фундамент реальности.

Слухи о таинственных делах в некогда забытом эллинге

поползли по обсерватории, как струйки угарного газа. От незнания рождались легенды. "Самогон гонят, мерзавцы", - говорили одни. "Химичат налево", - заверяли другие. "Клад ищут. Сенечка в бытность аэронавтом его там зарыл".

Разговоры велись пока в низах, в среде обслуживающего персонала. На этажах повыше помалкивали - там своих забот хватало. Зозулин представлял нижний эшелон, тем не менее был вхож в высший, как заслуженный солдат к генералу. Нынешнего директора Виктора Васильевича Морозейкина он знал еще с тех давних пор, когда тот проходил студенческую стажировку.

Но, кроме Зозулина, подвальных тружеников связывал с дирекцией зам по хозяйственной части Марк Исаевич Стрекалис. Дважды он пытался совершить внезапный налет на эллинг, но был обращен в бегство нашим Митькой, охранявшим пост, как свою мозговую кость. А поскольку все, что крутилось, светилось, двигалось, попадало под его начало, то Марк Исаевич усмотрел в наших бдениях нечто незаконное. Исподволь набравшись разных слухов, он ринулся к Морозейкину. В кабинете в это время Зозулин чинил селектор. Стрекалис выпалил сведения директору. Член-корреспондент оробел. Тут-то и подал голос Зозулин:

- Аэростат они делают, а не самогон варят!

Морозейкин недавно что-то слышал об аэростате от Гайгородова, но значения не придал.

- Кто это начал? - спросил смутившийся Морозейкин.

- Воронцов.

Морозейкин озадаченно погладил лысину. Он дождался, когда Зозулин закончил с селектором, нажал клавишу аэрологического отдела:

- Артур Николаевич? Прошу ко мне!

Минут через тридцать мы увидели Артура, мчавшегося к эллингу волчьим наметом.

- Ну, братцы, началось! - задыхаясь, выпалил он, поглядел на раздувшуюся оболочку с пластырями наклеек, на гондолу, обновленную натуральной олифой. - Трех дней хватит, чтобы все это показать в наилучшем виде?

...Эллинг мы выдраили, как матросы палубу перед адмиральской проверкой. Пахло вымытым с содой деревом, вощеной пенькой и олифой.

Сенечка смотался на улицу Павлика Морозова, где помещался архив обсерватории, и добыл акты списания всего летного имущества, в том числе аэростата с инвентарем, стоившего когда-то миллионы. Знакомый старичок бухгалтер по справочнику расценок составил ведомость, рассчитал количество затраченного труда и стоимость материалов, добытых нами из

вторсырья, скостил несколько нолей, уплывших во времена денежных реформ, и все равно получил порядочную сумму в семьдесят тысяч рублей с хвостиком. По существу, эти деньги свалились на обсерваторию как манна небесная.

Новый клапан держал газ крепче винтовой заглушки. В баллонах оказался водород. Брезентовые мешочки мы заполнили просеянным песком, проверили на точность приборы, которые понадобятся в полете.

Докладная записка Артура расшевелила впечатлительное сердце Морозейкина. Морозейкин понимал, что первыми против аэростатов восстанут авиаторы. Речники, получившие флот на подводных крыльях, так же противились в свое время яхтам. Но ни на Клязьминском, ни на Московском, ни Истринском водохранилищах не произошло ни одного столкновения парусника с "Ракетой" или "Метеором". Само собой авиационные начальники пекутся о безопасности воздушного сообщения. Но единичный полет воздушного шара никак не отразится на работе самолетов, тем более что наши пространства не идут ни в какое сравнение с воздушной толкучкой Европы, где аэростаты-монгольфьеры летают уже несколько десятков лет.

Не отвлекаясь на другие дела, Морозейкин приказал собрать ученый совет обсерватории. Здесь директор зачитал докладную записку Артура о необходимости провести серию метеорологических наблюдений в условиях невозмущенной атмосферы. Большинство ученых сами редактировали записку, так что особых прений она не вызвала. Георгий Михайлович Гайгородов воскликнул:

- Давно пора! Спим на продавленном диване прошлого.

Ученые, подогретые репликой Гайгородова, гуськом двинулись к эллингу.

Вперед Морозейкина вырвался Стрекалис, словно хозяин, приглашающий гостей в свои владения. Я нажал на кнопку движка. С мягким гулом по рельсам разбежались гигантские створки эллинга. Гости прошли внутрь и оробели перед темнотой огромного зала. В глубине что-то белело. Сеня включил прожектор. В серебристом блеске закачалось наше творение. Надутая оболочка походила на исполинскую колбу. Подсвеченная снизу, она была похожа на елочную игрушку.

Первым пришел в себя Стрекалис. Словно председатель комиссии перед сдачей объекта, подергал веревочные петли для переноски корзины, пнул гондолу по ивовому боку, удостоверившись в ее прочности, ощупал мешочки с балластом, пытаясь понять, что там.

- Думаю, для начала можно принять на баланс, - проговорил

он, придав лицу озабоченное выражение.

Тут Сенечка потянул его за рукав, глазами показал на аккуратно сброшюрованную папку, в которой была жирно проставлена итоговая стоимость сооружения. Марк Исаевич поперхнулся.

Гайгородов любовно погладил край корзины:

- Подумать только, сколько прошло лет...

- Вы считаете, этот аэростат может полететь? - спросил директор.

- Убежден. И слетает не раз.

- Кстати, кто занимался этим аэростатом?

Стрекалис опять хотел было вылезти вперед, но Гайгородов не дал, подтолкнул нас к Морозейкину:

- Вот эти молодцы. Заметьте, одни, без всякой поддержки. В свободное время, из подручных материалов!

Виктор Васильевич удивленно вскинул седые, пушистые брови.

- У вас и экипаж готов, Артур Николаевич? - дипломатично спросил Гайгородов, повернувшись к Арику.

- Об этом говорить рано, - все же встрял Марк Исаевич.

- Да и ни к чему говорить! Экипаж в сборе, - отрезал Гайгородов, не удостоив Стрекалиса взглядом.

Я посмотрел на Морозейкина. В его светлых детских глазах читалась мука. Ах, как бы ему хотелось жить спокойно! Согласись он на полет - и тогда надо будет обращаться в комитет. И первое, с чем он столкнется, будет отказ. Каждый, с кем придется встречаться, с полным набором аргументов постарается помешать, не дать идее ходу. Надо спорить, убеждать, выдвигать весомые доводы, тревожить ответственных работников.

А как просто загубить идею в зародыше. Образовать, допустим, аттестационную комиссию, поставить вопрос о профессиональной пригодности экипажа или взять под сомнение надежность самого аэростата, нагромоздить проблем, потянуть резину. И все сделать под видом ответственности за жизнь людей, наконец.

Кажется, Стрекалис рвется в бой? Он-то найдет причину, чтобы все оставить, как было.

Но Морозейкин не только руководил учреждением. Как ученый, Виктор Васильевич сознавал, что полет даст науке ценнейший материал. Тут прав Гайгородов. Даже сравнение данных, добытых в полетах многолетней давности, с сегодняшними сведениями принесло бы много полезного. Беспокойство в глазах Морозейкина сменилось решимостью. Директор обернулся к многоопытному Гайгородову:

- Ну что ж, экипажу, по-моему, пора готовиться. Научным руководителем назначаю вас, Георгий Михайлович. А ответственным за снаряжение и старт будет... - он поискал глазами Стрекалиса, - Марк Исаевич, не возражаете?

"Мудрец!" - чуть не вскрикнул я, изумленный директорским решением. Из недруга Марк Исаевич теперь превращался в приверженца. Недоброжелатель становился союзником.

Училищный комэск майор Золотарь был не только грозой нашего существования. Он вбивал в наши головы непреложные истины, правильность которых была проверена на практике.

"Ты не можешь чувствовать себя в безопасности, если в аэроплане ослабла хоть одна гайка", - говаривал он.

Радея о надежности аэростата, мы тем не менее стали "подвинчивать гайки" в расшатавшихся знаниях. Пришлось восстанавливать некоторые положения из дисциплин, связанных с теорией полета, устройством приборов, техникой ориентировки в облачности, практической и астронавигационной прокладкой пути, радиосвязью.

"Летать без радио в облаках - все равно что гнать ночью машину с потушенными фарами", - учил комэск.

В комплект радиообеспечения входили радиоприемник, передатчик с микрофонной и телеграфной связью, радиокомпас. Мы должны были настраиваться на сигналы авиамаяков, запрашивать пеленги, получать от метеостанций сведения о погоде по маршруту, о направлении и скорости ветра на высотах, вести двухсторонние переговоры с главной станцией слежения.

Тут не замедлили сказаться результаты нашей жарко вспыхнувшей дружбы со Стрекалисом. Не мешайте людям быть добрыми! Вот еще одно подтверждение. Мы раз-два попили чайку с Марком Исаевичем, помирили с Митькой, признали его многомудрый опыт - и он не только раздобыл для нас новенькую портативную радиостанцию, но и учредил должность специального радиста, который должен был работать только с нами. Получив свои частоты и позывные, я теперь мог шлифовать свое умение на практике. По составленному Артуром списку Стрекалис достал все - сублимированные продукты, маски, комбинезоны на меху, спальные мешки, ружья "Барс", парашюты, унты, аптечку. Более того, он раздобыл канистру превосходного кагора. Это вино, смешанное с горячим чаем, прибавляло бодрости, снимало сонливость и усталость. Он же договорился с соседней воинской частью о помощи на старте.

Прошло лето, настала осень. Нас с Сенечкой откомандировали в НИИ гражданской авиации прослушать курс лекций по правилам полета, штурманскому делу и радиосвязи.

Когда через месяц мы вернулись в обсерваторию, Арик обрадовал новостью.

- Ну, академики, вылет разрешен. Надо ждать устойчивого фронта и оптимального ветра.

Теперь можно было приступать к окончательным расчетам. Гондолу мы поставили на тележку и загрузили ее всем, что нужно. При этом каждую вещь взвесили. Еще надо прибавить "живой вес" экипажа в теплой одежде, а также Митьки... Пес грозил доставить немало хлопот. Ну как, к примеру, он будет дышать на большой высоте?

- Возьму намордник и сделаю ему кислородную маску, - пообещал Сенечка.

- А если нам придется прыгать, может, заодно и парашют приспособишь? - прищурился Артур.

- Я его с собой захвачу вместе с рюкзаком.

Сенечке и мне очень хотелось взять с собой Митьку. Нам казалось, что участие в экспедиции четвероногого животного поддержит некую незыблемую традицию дальних путешествий. Присутствие Монморанси в значительной степени скрасило известное плавание по Темзе. К тому же Митька казался теперь нам красавцем в сравнении с фокстерьером Джерома.

Пес вертелся около нас, догадываясь, что речь идет о нем.

- А как он будет пить чай с кагором? - не унимался Артур.

- Вообще предлагаю чай пить отдельно, а кагор - когда приземлимся.

В конце концов решили пса взвесить. Если потянет больше двадцати килограммов - в полет не брать. Митька, словно поняв, выскочил из эллинга и в кустах опростался... Потянул на девятнадцать четыреста.

- Ладно, - махнул рукой Артур. - Его же сородичи первыми побывали в космосе.

Холодный октябрьский фронт медленно тянулся со стороны Скандинавии, предвещая затяжные дожди, обледенение, нелетную погоду. Вчера он достиг Ленинграда. Завтра мог скатиться к нам. В это время Морозейкин и получил разрешение на полет. Весь день мы размещали метеорологические приборы. Устанавливали громоотвод и барограф, который вместе с бортжурналом должен был регистрировать все изменения в полете. Ночью прибыла вызванная Стрекалисом воинская команда.

На поле перед эллингом солдаты разостлали брезентовые полотнища, на них положили оболочку. По шлангам из баллонов пошел газ. Поначалу оболочка будто и не думала надуваться. Лишь пузыри волнами прокатывались под серебристой тканью.

Но постепенно начал расти холм. Солдаты взялись за поясные веревки, продетые через петли и пропущенные по верхней части оболочки.

Гора вздымалась, превращаясь в исполинский гриб.

- На поясных, плавно сдавай! - покрикивал Марк Исаевич, теперь уже начальник старта.

Солдаты понемногу отпускали поясные веревки, оболочка поднималась выше и выше. Наконец гриб превратился в гигантскую грушу. Мы вывезли из эллинга тележку с гондолой, прикрепили корзину к подвесному обручу. Артур развесил свои последние приборы - анероид, ртутный барометр, радиационный термометр... Мне надо было позаботиться об антенне для рации и пеленгаторе, выполненном в виде хвостового оперения ракеты из прессованного картона с медной стружкой.

Начало светать. Мы надели меховые комбинезоны, унты, шлемы. Проверили содержимое карманов. Для индивидуального пользования у каждого был фонарик, нож, небольшой, но калорийный запас еды.

Солдаты помогли пристегнуть парашюты. По лесенке мы поднялись в гондолу. Здесь едва хватало места, чтобы стоять не толкаясь. В корзину было втиснуто великое множество вещей: термосы, приборы, запасная одежда, фотоаппаратура, картонные коробки с провизией.

Плотный осадок самого обыкновенного страха, наверное, чувствовал каждый из нас. Мы старались не думать о нем, но совсем отделаться от него не могли. Мы не знали, куда нас вынесет, выдержат ли стропы и гондола, не пропадем ли в облаках, шквалах и внезапных нисходящих потоках, удачной ли будет посадка. Доверившись, так сказать, широким объятиям воздушного океана, мы уже не управляли своей судьбой.

Стрекалис доложил Морозейкину о готовности к полету.

Тут я вспомнил о Митьке. В суматохе мы совсем забыли о нем.

- Митька! - позвал я.

Пса не было. Сдрейфил, подлец, в последнюю минуту.

- Ладно, пусть дом сторожит, - успокоил Артур.

Я стал перекладывать спальные мешки, готовя сиденья, и вдруг обнаружил не только Митьку, но и притаившегося котенка Прошку. Пес лизнул в щеку: молчи, мол, пока не взлетим.

Морозейкин объявил десятиминутную паузу. Сенечка начал уравновешивать аэростат. По его команде солдаты отпустили корзину, она немного приподнялась над землей и остановилась. Подъемная сила сравнялась с весом гондолы и всего шара. Даже если сбросить на землю совок песка, аэростат сразу начнет

подниматься.

Томительно тянулись минуты. Восток светлел больше и больше, выявляя плотную облачность.

- Поясные отдать! - скомандовал Стрекалис.

Вылетели из петель поясные веревки, попадали наземь. Теперь солдаты держали аэростат только за короткие концы, привязанные к нижнему обручу гондолы. Марк Исаевич подбежал к нам, спросил, заикаясь:

- Г-готовы?

- Порядок.

- Экипаж к полету готов, все в норме, - доложил Стрекалис по карманной рации.

- Минутная готовность, - отозвался Морозейкин, он медлил, как бы соблюдая русский обычай: посидеть перед дальней дорогой.

Стрекалис сорвался с места, закружил по брезентовому, освещенному прожекторами кругу, точно шаман:

- Полная тишина на старте! Всем - в сторону! И выкрикнул последнюю команду: - Даю свободу!

Солдаты разом опустили руки. Сенечка выбросил песок. В напряженной тишине аэростат медленно поплыл вверх.

- В полете! - торжествующе завопил Стрекалис.

- Есть в полете, - у Сенечки тоже дрогнул голос. - Взлет шесть сорок.

Произошло чудо, имя которому - полет воздушного шара. Без толчка или рывка мы вдруг очутились в воздухе. Тишину в эти волшебные секунды не хотелось нарушать даже возгласами восторга. Аэростат шел вверх. Люди внизу становились все меньше и меньше. Плавно отодвинулась залитая электрическим светом стартовая площадка, плоская шиферная крыша эллинга. Из серой тьмы показался главный обсерваторский корпус с немногими светящимися окнами, за которыми находился штаб. Пробежала линейка-аллея с редкими фонарями, потом обозначился четкий прямоугольник всей нашей территории, обнесенный бетонными заборами. А дальше угадывались дома, кварталы, островки садов, заводы, где костерками полыхали ночные лампочки.

Сенечка орудовал совком, точно продавец, развешивающий сахар. Артур, включив бортовой свет, стал заполнять бортжурнал. Я переключился на телефон:

- Уран, я Шарик...

- Счастливого полета! - услышал я бодренький тенор Морозейкина.

- Спасибо. На борту - норма. Высота сто пятьдесят. Подъем по

вариометру плюс два. До связи. - Я отчеканил все положенные слова и отключился.

Предутренняя тишина окружала нас, будто мир остановился и мы остались в нем одни. Показалась станция. На дороге просвистела ранняя электричка. Непривычно близко, оглушительно простучали колеса. Отраженные звуки доносились четче, явственней, чем на земле.

С каждой минутой становилось светлей. Искристыми от уличных фонарей лучами разбегались дороги с нанизанными на них кубиками домов. Там, где лучи сходились, где багрово тлел горизонт, была Москва.

Артур вытащил "Зенит" и начал снимать. Панорама впечатляла. Открывались все новые и новые дали.

Вдруг оболочка исчезла. Гондола словно осталась одна. Туго натянутые стропы уходили вверх и тонули в непроглядной мути. В лицо дохнул влажный воздух. Одежда покрылась капельками влаги. Оказывается, мы вошли в нижнюю кромку облаков. Аэростат сразу отяжелел. Стрелка вариометра поползла было вниз, но Сенечка энергично заработал совком, и мы стали опять подниматься. Скоро похолодало. Мокрая оболочка покрылась льдом, Сеня надел меховые перчатки, стал трясти стропы. Льдинки, отламываясь, полетели вниз.

- Ну, братцы, летим, - у Артура посинел нос, запотели очки, но губы расплывались в улыбке. - Как это пели деды! "Три танкиста, три веселых друга..."

- Не три, а пять, - я откинул брезент, прикрывавший спальные мешки. Там лежал Митька, а Прошка сидел рядом. Будто поняв, что теперь уже ничего не изменить, пес издал радостный вопль. Прошка с вздыбленной шерстью сиганул на стенку корзины и, оторопев, застыл на краю бездны.

- Во звери! - потрясенно произнес Сеня. - Они забрались еще в эллинге и сидели, как зайцы, пока мы возились с аэростатом! А говорят, у животных нет разума.

Когда восторги поутихли, я задал прозаичный, но довольно важный вопрос: куда и как будут гадить наши меньшие братья?

Сеня показал на стульчик в углу гондолы:

- Приучим сюда!

- Не поймут.

Сенечка наморщил лоб. Действительно, звери могут доставить неприятности.

- Эх вы, цари природы! - Артур снял с борта четыре кулечка, рядом со стульчиком сложил из них что-то вроде ящичка, дно закрыл обрывком брезента, вспорол еще один балластный мешочек и высыпал песок.

Изловчившись, я поймал котенка и посадил в отхожее для него место. Прошка потоптался в нерешительности, обнюхал углы, потом разгреб песок, сходил по малому и старательно засыпал ямку. Чтобы не смущать животных в такие минуты, мы навесили на угол полог.

- Песок из-под Прошки будет нашим НЗ, - сказал Арик.

Мы могли лететь до тех пор, пока в гондоле есть балласт. Если его не останется, то в момент посадки мы не сможем затормозить спуск. Песок для аэронавта был что горючее для летчика или вода для жаждущего. Мы хотели пролететь как можно дальше, поэтому песок решили беречь.

По метеосводке, ветер должен появиться выше полутора тысяч метров. В гондоле мы не ощущали ветра и не ощутим, если бы даже над землей бушевал ураган. Артур положил на борт лист бумаги, он лежал не шелохнувшись. Сенечка сунул в рот карамельку, выбросил обертку - она полетела рядом. Аэростат перемещался в пространстве вместе с воздушной массой. В этом-то и было его основное преимущество перед ракетами и самолетами - разведчиками погоды. Те пронзали атмосферу, как иглой, и не успевали фиксировать погодные изменения, столь важные в метеорологии. А с аэростата можно было потрогать рукой облака, посмотреть, как образуются снежинки, узнать, с какого момента и при каких условиях начинает лить дождь и так далее.

Когда-то направление и скорость морских течений изучали с помощью бутылок. Свободный аэростат, как и бутылка-путешественница, помогал изучать воздушные течения. На планшете Артур отмечал точки, над которыми пролетал аэростат, чтобы зарегистрировать эти воздушные токи перед наступлением холодного фронта.

Скоро стало так светло, что пришлось надеть защитные очки. А еще через какое-то время показалось солнце. Облака лежали от горизонта до горизонта. Над ослепляющей торосистой пустыней, не двигаясь и не перемещаясь, висела тень от нашего аэростата.

Теперь можно и позавтракать. Я достал ржаные хлебцы в целлофановых пакетиках, масло, сыр, банку шпротного паштета, разложил еду на деревянном ящике от приборов Артура. Чай из термоса разлил в легкие полиэтиленовые кружки. Дикарь Прошка сунулся было смахнуть бутерброд, но, на лету схлопотав оглушительный шлепок, отскочил к Митьке. Пес лежал на спальниках, отвернувшись, будто пища не интересовала его.

- У нас, кажется, было концентрированное молоко? - спросил Арик.

- Есть пять баночек.

- Придется пожертвовать Прошке.

После того как наелись мы, в освободившуюся из-под паштета банку я налил молока, разбавил его чаем и покрошил хлеба. Это котенку. Митька же получил два бутерброда, а также чай без сахара. Сладкое он не переносил.

Так разрешилась проблема питания. Завтракали мы в девять, обедали в два и ужинали в шесть, захватывая светлое время, чтобы попусту не жечь лампочку освещения кабины. Электропитание шло на рацию, некоторые приборы и навигационные мигалки (мы их зажигали, когда слышали гул самолетов). У пилотов, разумеется, были локаторы, они легко могли обнаружить наш аэростат, однако на огнях настояло авиационное начальство, и без того обескураженное нашим вторжением в завоеванное ими пространство.

Каждый из нас занимался своим делом. Но если моя с Семеном работа была простой, то занятия Артура представляли сплошную загадку. С приборов он списывал лишь цифры. Прокрученные через вычислительные машины, проанализированные в умах людей, они прорисуют картину погоды.

Без прогноза мы уже не можем жить, особенно в той зыбкой среде, которую зовем биосферой. Биосфера - это все, что нас окружает, чем мы дышим, живем, благодаря чему продолжаем свой род... Биосфера создала человека, приучила выживать в том или ином климате, образовала океаны и горы, населила существами - иначе говоря, сотворила многозначную сумму параметров, составивших растительную и животную жизнь на Земле.

Вырубленные леса, обмелевшие моря и реки, наступление пустыни подтачивают древо жизни. И биосфера начинает мстить. Все чаще мы стали сталкиваться с такими бедствиями, какие и не снялись нашим предкам. Разрушительные землетрясения, потрясшие, к примеру, такой город, как Мехико, смерчи, пронесшиеся губительным ураганом по европейской части нашей страны, извержения вулканов в Колумбии, на Камчатке, в Сицилии, результат того, что в биосфере появился изъян. Пусть не произойдет атомной катастрофы, но при существующих темпах расхищения природы и способах хозяйствования люди уже будущего века столкнутся с колоссальными трудностями.

Даже узкая специализация работы Артура подтверждала эту аксиому. Определяя количество газов в атмосфере, он отмечал повсеместное увеличение содержания не только углекислоты, но и метана. Анализ льда в Арктике и Антарктике, где не раз зимовал Артур, показывал, что за последние триста лет

концентрация метана в атмосфере повысилась двое. А этот газ, как и двуокись углерода, поглощает инфракрасное излучение с поверхности Земли, усиливает "парниковый эффект".

Предметом особой заботы в наблюдениях Артура были облака. Со старательностью студента, дающего первый урок в школе в присутствии сурового методиста, Артур просвещал нас, доказывая, что облака есть истинные спасители жизни на Земле. И хотя о физике атмосферы мы имели кое-какое представление, но сейчас воспринимали ее не умозрительно, а видели наяву.

Сверху пушинками нависали перистые облака, состоящие из микроскопических ледяных кристаллов. Ниже пенились высокослоистые и высококучевые облака, похожие на валы гигроскопической ваты. А почти у земли клубились облака слоисто-кучевые, кучевые, кучево-дождевые, те, что несут ливни, снегопады, жестокую болтанку.

Мы видели, как развивалась облачность на температурной границе двух областей, двух фронтов: холодного и теплого. Масса холодного и более тяжелого воздуха заползала под легкую теплую воздушную массу и, подобно гигантскому клину, приподнимала ее. И в небе творилось невообразимое облака всех форм и расцветок открывали нам картину холодного фронта, чуть впереди которого мы взлетели и, подобно пушинке одуванчика, неслись вместе с ним. Аэростат как бы добровольно попал в котел гигантской погодной кашеварки, не пытаясь ни обгонять ветер, ни отставать от него.

Ближе к шестикилометровой высоте подъем стал замедляться. Я взглянул на часы. С момента взлета прошло пять часов. В пятнадцать надо определять местонахождение. Но прежде придется заставить всех пообедать. Есть никому не хотелось. Побаливала голова. Легкие с трудом втягивали разреженный воздух. Начинался кислородный голод.

Но это было еще полбеды. Постепенно стал донимать холод. Горячий чай в термосах согревал на несколько минут. Потом зубы снова начинали выстукивать морзянку.

- А если залезть в спальники? - предложил Артур.

- Но как будешь работать?

- Так не с головой, только наполовину.

Я откинул брезент, чтобы достать спальные мешки. Митька с тоскующим взглядом сидел в одной стороне. Прошка - в другой. Значит, и собаке, и котенку тоже было плохо.

- Митька... - Артур погладил собаку по спине, но она не отозвалась на ласку.

Я положил перед носом кусок колбасы. Митька, вздохнув, отвернулся.

- Отдаю ему свой спальный мешок, - объявил сердобольный Артур.

- К чему такие жертвы? - отозвался Сенечка. - У меня есть запасная куртка. Давайте надевать!

Пес не сопротивлялся. Передние лапы его мы просунули в рукава, а поскольку куртка оказалась широкой, то полы зашили на спине крупными стежками. Прошку я засунул за пазуху. Котенчишка пригрелся и затих.

К вечеру газ в оболочке стал охлаждаться. Шар пошел вниз, пробил облачность, огни рисовались в форме гигантской трехпалой лапы. Так выглядела сверху Тула. Мир сразу наполнился звуками: гудками машин, звоном трамваев. Где-то слышалась музыка. В паутине освещенных улиц и переулков мы рассмотрели яркий пятак танцплощадки, услышали даже возбужденный гул толпы.

Потом медленно проплыли и заросший парк, старая кладбищенская ограда и полуразрушенная часовенка...

Сенечка высыпал балласт, уравновесил аэростат на километровой высоте и лег спать. Я передал в штаб сводку, притулился рядом. Артур остался на вахте.

На вторые сутки полета он решил приблизиться к границам стратосферы, чтобы поймать так называемые "космические лучи".

Над собой мы видели серебристую сферу оболочки с черным зевом аппендикса. От нее к подвесному кольцу опускались стропы. У обруча в разных концах висели два мешочка. В белом лежал шнур от клапана. В красном - от разрывной вожжи, которая необходима при посадке.

А вокруг было небо - самое красивое из всего, что мы когда-либо видели. Оно казалось слоистым, точно прозрачное желе. Светлое, как туман, - у горизонта, дальше размытая голубизна постепенно переходила в синеву, там белел овал молодой луны. Напротив жарко пылало солнце. Сетка, снасти, корзина - все было в сверкающем инее, будто деревья в морозный солнечный день.

Почувствовав, что замерзает, нервно замяукал Прошка. Теперь он уже сам просился под куртку, где ему было тепло и спокойно. Митька же в своей длиннополой одежке пока крепился.

- Надо приучать его к маске, - сказал Сенечка.

И тут Митька воспротивился. Сенечка, словно кляпом, заткнул ему пасть резиновой маской, хотел стянуть еще ремешками, но пес стал сопротивляться. Сначала хотел спрятаться в ворохе имущества, однако, когда Сенечка проявил настойчивость, Митька, словно на борцовском ковре, рывком свалил Сенечку.

- У-у, образина... Еще рычит, - обидчиво произнес Сеня,

признав свое поражение.

- Ему надо показать пример, - посоветовал Артур.

Мы надели кислородные маски. Пес озадаченно поглядел на нас. Потом вильнул хвостом, подставил морду Артуру, разрешил надеть маску и задышал, шумно втягивая кислород.

Отважный Сенечка, оказывается, всерьез опасался аварии. Оболочка нагрелась и раздулась до опасных размеров. Лететь выше означало терять балласт и газ. Не выдержит шов, лопнет оболочка - и тогда ныряй с парашютом, а куда приземлимся - неизвестно.

У радиостанций я запросил пеленги. Мы находились километрах в тридцати юго-восточнее Пензы.

Мы забрались на девять тысяч метров. Аэростат перемахнул высоту Эвереста. Барометр показывал 230 миллиметров ртутного столба. Красная ниточка термометра примерзла к цифре 43,3° ниже нуля. Оболочка выдержала. Артур закончил замеры и кивнул Сенечке. С облегчением пилот потянул за белый конец клапанной стропы, стравливая газ. У земли все же уютней, чем в далеких небесах. По дороге вниз сняли кислородные маски, не забыли и Митьку. А Прошка, оказывается, все это время крепко спал.

Уравновесились на трех тысячах. Теперь можно было потрапезничать. В одном из термосов у нас хранился куриный бульон. Однако второе сублимированное мясо в целлофановых пакетах - успело превратиться в булыжник. Пришлось размачивать его в горячем чае и сосать, как леденцы.

...Холодный фронт рассеялся в районе Элисты. Наконец открылась земля, испятнанная кое-где прямоугольниками вспаханных полей. Паутинками разбегались редкие дороги, речки. Селений в степи было мало. Чаще встречались чабанские кибитки. Белыми облачками перекатывались овечьи отары.

Аэростат висел, отражая солнечные лучи серебристыми боками. И все же он плыл, если верить дымке внизу под нами, лениво отползающей назад. Рассчитывать курс было ни к чему, поскольку приметные ориентиры, обозначенные на карте-десятикилометровке, были видны километров на двадцать вперед.

Мы опустились на спальники, собрались подремать, однако сон не шел. С ним у нас вообще не ладилось. Маленькое неудобство - и спать невозможно! Думали: намаемся в тесной своей корзине, научимся спать и сидя и стоя. Не научились.

На горизонте показалась дельта Волги. Множество рукавов разбегалось в стороны, завязало в камышовых зарослях. По дымке вдали можно было предположить, что там лежал большой город -

Астрахань. Мы пролетали восточнее. Под нами плыли солончаки с проплешинами оранжевых песков. Ни одной живой души, ни одного домика. Но не так уж далеко темнела железная дорога Астрахань - Гурьев. Прикинул нашу скорость. Навигационная линейка показала сто километров в час. Так когда-то летал незабвенный "кукурузник" По-2. Если приземляться, то надо здесь. Дальше будет поздно. В плавнях и камышах мы сгинем наверняка. Не успеют нас отыскать и вытащить. Запросил метеосводку. Ответ не обрадовал. На всех высотах дул северный ветер, порывающийся смениться на западный. Протянул Артуру карту с помеченным курсом:

- Несет в Каспий...

Арик так увлекся своими метеорологическими делами, что поначалу не понял серьезности положения.

- Ну и пусть несет, - сказал он.

- Ты что - рехнулся? Это же море! Если что - нас не спасут парашюты, а надувной лодки нет!

Теперь до Артура дошло. Лицо его вытянулось.

- У меня такие любопытные наблюдения идут, - проговорил он с огорчением.

Я тоже не очень-то стремился обрывать полет. Хотелось дожать до конца, пока есть балласт и силы. Конечно, полет над Каспием мог стать гибельным. Ну а вдруг повезет?!

- Давай Семена спросим, - Артур наклонился над дремавшим Сеней.

- Меня не надо спрашивать, - он вдруг открыл глаза. - Я как вы.

- Мы - за!

- А вот начальство будет против.

Как раз в этот момент запиликала станция. Вызывали нас. В штабе, где следили за курсом, тоже увидели, что нас несет в Каспийское море. По всем наставлениям, которых придерживались раньше аэронавты, над морем летать запрещалось. Наставлениям надо верить - они писались кровью. Двое итальянцев рискнули перелететь Средиземное море. Их шар попал в потоки, особенно сильные над водой. Аэронавты боролись как могли, то сбрасывая груз, то стравливая газ. Но стропы не выдержали перегрузок. Гондола оборвалась и скрылась в волнах...

Радистка штаба упорно вызывала меня. Она просила, требовала отозваться. Но я медлил. Артур обвел нас взглядом:

- Так летим или нет?

- Летим! - Я кинулся к рации, отозвался.

И тут же сыпанул сердитый текст: "Немедленно садитесь. Это

приказ. Морозейкин".

Ответил: мол, ничего не слышу, понять не могу. Так играл в кошки-мышки минут пять, представляя, какой переполох творится в штабе. Ну а потом выполнять приказание стало поздно. Нас прямехонько выносило в Каспийское море.

С высоты оно виделось плоским и очень далеким. Но когда шар стал снижаться, мы услышали незнакомый гул. Когда плывешь на теплоходе, то ощущаешь удары волн о корпус. Стоя на берегу, мы прежде всего слышим прибойный шелест гальки, грохот подводных камней. Теперь же, когда невдалеке вздымались волны и бросались одна на другую, рев казался неправдоподобно глубоким, как у трубы, звучащей на самых низких басах.

Ни Морозейкин, ни Гайгородов, ни Стрекалис, ни авиационное начальство не добрались до нас. Зато устроила нам выволочку стихия. Ветер то бросал шар к волнам, то подфутболивал вверх. Нас вдавливало в пол, точно прессом. Оболочка подозрительно трещала. Гондолу качало, как шлюпку в бурю. Мы цеплялись за край корзины. Тот же бешеный вихрь, который помыкал нами, трепал и оболочку вокруг аппендикса. Тень от аэростата подскакивала на пенных волнах, какие бывают при жестоком шторме, но выяснить, движемся мы или висим на месте, не удавалось. Оставалось ждать, закрыв глаза, и гадать, чем все это кончится. Все равно мы ничем помочь не могли, и нам тоже никто не поможет.

Истошный вопль подняли животные. Митька метался по корзине, опрокидывая термосы, приборы, аккумуляторы. Прошка взвился к подвесному кольцу и орал, словно с него сдирали шкуру.

Достигнув какого-то невидимого потолка, аэростат валился вниз. Пол уходил из-под ног, выворачивало внутренности. У самых волн гондола с хряском врезалась в тугую прослойку воздуха и снова неслась к небесам. А мы смахивали с лица соленые капли брызг. За это время Сенечка выкинул треть оставшегося в запасе песка.

Основательно намяв нам бока, судьба наконец смилостивилась. Через несколько часов мы обнаружили, что попали в струю западного ветра. Она понесла нас на восток, в сторону спасительного берега.

Показался корабль. Было видно, как он боролся со штормом, работая машинами на полную мощность. От его форштевня расходились волны, похожие на седые усы. Значит, мы не одни. Уж если не спасут, то увидят, как гибли, сообщат... После мы узнали, что этот корабль имел к нам прямое отношение. Поняв,

что нас вынесло в Каспий, штаб обратился к морякам Каспийской флотилии за помощью. Те по-военному оперативно послали в море корабль сопровождения.

Вскоре на горизонте показалась фиолетовая полоска суши. Затем появилось нечто вроде фрегата с белыми парусами. По мере приближения ковчег распадался, ширился и развертывался уже стройной флотилией, словно перед баталией. Артур посмотрел в бинокль. Флотилия мгновенно потеряла свою сказочность. Это были не корабли, а строй светлых многоэтажек Шевченко - одного из молодых городов на полынно-солончаковом Мангышлаке.

Шевченко, по существу, был первым городом, над которым мы пролетали днем и могли разглядеть его в деталях. По зеленым проспектам, раздувая белые фонтаны, шли машины-поливальщицы, пролетали "Волги" и "Жигули", автобусы заглатывали на остановках пестро одетых людей. Мы старались угадать, где находятся фабрики каракуля и верблюжьей шерсти, химические заводы, исследовательские институты, но дома скрывала густая зелень. Только вынесенную за город атомную станцию, первую в мировой практике оснащенную реактором, работавшим на быстрых нейтронах, мы узнали по высоким трубам и корпусам из стекла и бетона. От нее уходили высоковольтные опоры к буровым вышкам и эксплуатационным установкам, темневшим островками в желтой пустыне.

У города не было пригородов. Оборвались многоэтажки, исчезла извилистая стена рукотворных насаждений, и потянулись барханы. Освещенные малиновым закатом, они терялись вдали, сливаясь на горизонте с сизыми сумерками.

Во время вечернего радиосеанса Морозейкин спросил, почему не работала рация, когда нас тащило в Каспий? По радиограмме тона не уловишь, но и так было понятно, что начальство переволновалось за нас не меньше, чем мы сами. Пришлось соврать, мол, заменял у приемника конденсатор и связь держать не мог.

Еще Морозейкин поинтересовался, сколько осталось балласта, и разрешил лететь дальше. Артур, наблюдавший за мной, подозрительно спросил:

- Что радуешься, как семеро козлят?

- Жить хорошо, Арик! Мы летим!

- Тогда ужинать - и бай.

- Может, кагору хлебнем?

- Договорились же: после посадки!

...В эту ночь выспаться не удалось. Растолкал Артур. Он дежурил с полуночи до четырех утра. При слабом свете луны его

лицо было белым, как у мима:

- Братцы, что-то там происходит...

Чертыхаясь, вылезли из спальных мешков, посмотрели вниз. Темень. Вдруг вспыхнул огонек, промчался бесшумно, точно стрела, и пропал. Следом вспыхнул другой огонь, тоже черкнул метеором по аспидной земле. Стреляют? А где грохот? Может, лазер? В одном месте огненные линии заметались вкривь и вкось. У нас зашевелились волосы.

- Где летим? - Сенечка включил фонарик, посмотрел на карту. - Судя по курсу. Голодная степь... Пожалуй, надо поставить в известность штаб.

- А чем он поможет?

- Ничем, но разъяснит.

- Они же нам не мешают, - сказал я. - Если какие-нибудь маневры или испытания, так уберемся подобру-поздорову и станем помалкивать.

Этот совет не устроил Артура:

- Садись за рацию, работай на аварийной волне!

Работать не хотелось, хотелось спать. Наклонился над рацией, сделал вид, что собираюсь исполнить приказ. Сзади ударил лунный свет. Стоп! Кажется, осенило. Поглядел на луну, вниз посмотрел. Ну, конечно же! Поехали по шерсть, вернулись стриженными.

- Все-таки удивляюсь я некоторым ученым людям, - начал я с подковыркой. - И глядят, да не видят.

Артур насторожился;

- Ну-ну, продолжай!

- Это же оросительные каналы преображенной Голодной степи. Газеты читать надо!

- Каналы?!

- Попадают в лунную дорожку, отражаются, а тебе мерещится вздор.

Поворчав, я залез в спальник. Однако сон уже не шел. Сквозь дрему слышал, как Артур поднял на вахту Сеню. Наверное, я забылся на каких-нибудь полчаса, слышу - трясет мой мешок уже Сенечка.

- Ну, что еще? - сердито спросил я, поняв, что сон не вернуть, надо вставать.

- Тарелка!

- Да вы спятили?! Одному - лазеры, другому - тарелка...

- Да нет, в самом деле! - Сеня показал глазами на светящийся вдали шарик величиной с горошину, добавил зловеще: - Ей-богу, тарелка!

Испугавшись, что неопознанный летающий объект может

внезапно исчезнуть, я схватил фотоаппарат, поставил самую большую выдержку и начал щелкать затвором.

Наша утренняя возня разбудила Артура. Он выпростался из спальника, обеспокоенно поглядел на нас.

Почти на равном удалении от большого шара по обе стороны висели еще три светлячка поменьше.

- Тот главный, а эти - разведка! - шепнул Сеня.

Утверждают, что НЛО нет и быть не может, но и мы-то не ослепли! Мы видели! Разное про них писали: и что в плен захватить могут, и сжечь, и забить до смерти. Стало страшно. Первым делом отказывала рация. Я повернул выключатель - "маяк" работал. Однако светящийся шар с маленькими спутниками не удалялись и не приближались, как бы принюхивались. Мы двигались, и они перемещались с той же скоростью.

- Сейчас посовещаются и проглотят, - съязвил Артур, заинтересованно глядя не столько на шары, сколько на нас.

- Да ты очки протри! - вскрикнул Сенечка. - Видишь, у них бортовые огни?

- И музыка вроде играет, - Артур упрямо не хотел понять серьезности положения.

- Маркони! Все же передай в штаб: видим неопознанный летающий объект, - Сеня часто заморгал белесыми ресницами.

Я вопросительно взглянул на Артура.

- Ничего не передавай, засмеют, - отозвался тот. - А тебе, Сеня, стыдно не знать. Разве перед полетом в НИИ вам не читали астрономическую навигацию? Это же Юпитер - самая большая звезда Солнечной системы. В здешних широтах в это время Юпитер появляется над горизонтом. А звезды помельче - из другой Галактики.

Сенечка не поленился, вытащил навигационный справочник, проговорил смущенно:

- И вправду Юпитер.

Памятуя о своей недавной промашке, Артур произнес мстительно:

- От худого ума - беда. Так-то, академики...

Долго рассказывать о том, чем занимался наш ученый командир. Его приборы стояли в корзине, крепились на бортах, висели на реях. Сами по себе они ни о чем не говорили. Отсчитывали свои миллибары, метры, градусы, икс-лучи... Делая пробы воздуха, Артур убеждался, что прибавлялось количество углекислоты в атмосфере. В цепи взаимосвязанных экологических колец из-за массового истребления лесов, варварской эксплуатации пастбищ и полей, чудовищного выброса

промышленных отходов, неупорядоченного роста городов в атмосфере происходили необратимые процессы.

Мы летели над пустыней. Мы видели дело рук людей - каналы, лесопосадки, оазисы, дороги... И все же зеленые островки оставались островками в безбрежье барханов, такыров, соленых мертвых озер. А если уж окинуть Землю всеохватным взглядом, получится страшноватая картина. Не за столетие, не за полвека, за один-единственный год площадь пустынь увеличивается на 20 миллионов гектаров. Как людям кормиться, чем жить?! Сегодня опустынивание угрожает трети суши планеты... Чтобы бороться с этим нашествием, нужны точные цифры потерь. Чтобы узнать причину поражений, нужна разведка по всем фронтам - от стратосферы, космоса до глубин Земли. И данные, собираемые Артуром, шли в общую копилку познания для грядущего наступления людей на засуху, ураганы, землетрясения, лавины, голод...

Сеня с беспокойством отмечал хоть и малую, но все же утечку газа из оболочки. Он пересчитал балласт и пришел к неутешительному выводу: запас для более или менее удачной посадки в общем-то оставался критический. Но благополучный западный ветер нес аэростат в сторону Восточного Казахстана, так что Сенечка тянул на "честном слове", чтобы продлить полет.

Вдруг снизу захлопали выстрелы. В облачке густой пыли мы рассмотрели сайгаков, мчавшихся по степи. В стороне - скачущий "уазик", с высоты похожий на блоху. Люди, находившиеся в нем, вдруг увидели в небе шар, бросили свои браконьерские дела и подняли стрельбу. Высотомер показывал две тысячи метров. Если у них ружья, нам ничто не угрожало. А вдруг карабин или винтовки? Тогда достанут запросто. Хватит одной пули, чтобы разнести оболочку в клочья.

- Прекратите стрелять! - что есть силы закричал в мегафон Артур.

Но браконьеров уже охватил азарт. Крика они не услышали, понеслись за нами, паля на ходу.

Тогда разъяренный Артур выдернул из наших узлов ружье "Барс", вогнал в ствол патрон и выстрелил.

- Дай-ка мне! - Как на состязании, я положил ружье на бортик корзины, повел мушку за мотором "уазика", попридержал дыхание и спустил курок.

Машина торкнулась, будто влетела в колдобину. До браконьеров дошло, что на шаре вооруженные люди. Развернувшись, они дали тягу. Мы издали вопль восторга, однако Сенечка был удручен: стараясь уйти от огня браконьеров, он выбросил двадцать килограммов балласта:

- Хочешь не хочешь, а вечером придется садиться...

- Поставь в известность землю, - распорядился Артур.

Вызвать ближайшую станцию труда не составляло, диспетчер откликнулся тут же. Я назвал квадрат, сказал, что аэростат обстрелян тремя неизвестными, вооруженными карабинами или винтовками, просил принять меры.

- А теперь, братцы, давайте решать, когда будем садиться, - произнес Артур.

Я прикинул по карте, куда нас вынесет к вечеру. Получилось - в степь северней Балхаша. Больших населенных пунктов вблизи не было. Неприятностей никому не доставим, хотя помощи ждать придется долго. Стали упаковывать вещи, снимать приборы, вкладывать в спальники жесткую и хрупкую утварь, бинокли и аппараты. В свой мешок я засунул десятилитровый термос с кагором, к которому мы так и не притронулись.

Митька с курткой освоился как со своей и выказал недовольство, когда я распорол стежки на спине и вытряхнул его из тепла.

Артур составил для штаба телеграмму. Я запросил местные станции о силе ветра у земли. Передали - с порывами до двадцати метров в секунду. Сенечка почесал затылок. Аэростат будет мчаться у земли со скоростью грузовика - километров шестьдесят в час. Гондола, понятно, побьется, не говоря уж о нас, грешных. Неспроста же посадку на аэростате остряки прозвали "управляемым несчастным случаем".

Вечерело. Шар понемногу начал снижаться. Чтобы он не набрал ускорение, Сенечка сбросил песок из Прошкиной выгребной ямы. Я запросил пеленги у всех станций, находящихся в зоне радиообмена. О приблизительной точке приземления передал в штаб и республиканское управление гидрометеослужбы в Алма-Ату. Закончив передачу, упаковал рацию, вытянул антенны.

- Придется в поле под шапкой ночевать, - озабоченно сказал Артур, поглядывая на пустынную степь и завязывая тюки со своими приборами.

Сеня старательно стал отмерять совком последние дозы песка, затем потянулся к стропе, ведущей к клапану аэростата. С кротким всхлипом сработала заглушка, прижатая пружинами. Газ устремился наружу. Навстречу понеслась земля. В последних лучах уходящего солнца мелькнуло вдали несколько небольших поселков с глинобитными овчарнями на околице. Артур отвязал конец гайдропа. Вниз, разматываясь, полетела бухта тяжелого и толстого каната. Из красного мешочка над головой Семен достал стропу разрывного отверстия. Стрелка высотомера приближалась

к нулю, хотя конец гайдропа еще болтался в воздухе. Артур сбросил тюк с парашютами, чтобы замедлить спуск.

Теперь важно было дернуть в нужный момент разрывную уздечку: не слишком рано - иначе корзина сильно ударится о землю, и не очень поздно в этом случае оболочку, из которой не полностью вышел газ, вместе с гондолой будет долго тащить по степи, наставляя нам синяки и шишки.

Я вцепился в стропы, обхватив запеленатый в спальник термос с кагором. Неотвратимо приближалась земля в кочках колючего верблюжатника. Только сейчас, на посадке мы почувствовали, как сильно дул ветер. Гайдроп поднял пыль, вызвав сумятицу у сусликов и сурков.

- Двадцать... Пятнадцать... - начал считать Артур, определяя расстояние на глаз, потому что высотомер давно показывал ноль.

Гайдроп извивался змеей, тащась по земле. Почуяв нашу нервозность, забились в угол Митька с Прошкой.

- Десять... Пять...

Чтобы водород не мог взорваться от трения, надо поскорей расстаться с газом. Так поступает парашютист, торопясь погасить купол. Рука Семена с намотанной красной стропой дернулась. Затрещала приклеенная к оболочке сверху и снизу лента разрывной щели. Выдох - как у кита-финвала. Газ рванулся из оболочки, точно узник на волю. Гайдроп начал таскать корзину из стороны в сторону.

- Ноль! - Артур выключил барограф, лента которого невозмутимо записывала весь наш полет, и успел докричать последнее: - Держись!

Корзина с лета врезалась в землю. С терзающим душу скрипом спружинив от удара, она подскочила метров на пять, накренилась так, что посыпалась вся поклажа. Потом бухнулась вновь, опять подпрыгнула. Что-то тяжелое больно колотило по бокам и голове. По лицу хлестали стропы. Свободной рукой я попытался дотянуться до Митьки, чтобы удержать пса, но он уже был вынесен и повержен. За котенка я не волновался. Прошка при любой раскладке приземлялся на все четыре. Через минуту краем глаза я заметил Митьку. Он несся за нами по степи. Корзину, как перекати-поле, тащило до тех пор, пока не вышел весь газ и не улеглась оболочка. Гордое творение теперь съежилось, испустило дух, превратившись в бесформенную груду серебристой ткани. На карачках мы выползли на белый свет. У Сенечки заплыл глаз. Артур держался за щеку. Поднявшись на ноги, мы почувствовали, как качается и плывет земля. Ощупали ноги, руки - вроде целы...

Уже в затухающих сумерках мы стащили в одну кучу вещи, растерянные при посадке. Ни разбить палатку, ни залезть в

спальные мешки не было сил. Дикий неодолимый сон навалился на нас. Артур и Сенечка подсунули под головы парашюты. Я повернул спальник мягкой стороной, поискал положение, в котором тело бы не болело, но, кажется, так и уснул, не найдя.

Жаркое солнце било в глаза. Я кряхтел, морщился, пытался повернуться на другой бок, но даже сквозь сомкнутые веки проникал яркий слепящий свет. Наконец собрался с духом и сел, охнув от боли. Болело все - от макушки до пяток, как после побоев. С усилием раскрыл глаза и заревел от страха. На меня смотрела дьявольская морда. В панике я треснул по ней кулаком, вскочил на ноги. И тут увидел, что нас окружает тысячная орава овец. Поджарые после летней стрижки, похожие на гончих, животные лезли на распластанную на земле оболочку, слизывали с нее влагу, которую мы стащили с холодного неба. Митька молча гонял овец, но отара, презрев страх, бросалась с другой стороны. Овцы хотели пить. Пинками я разогнал самых нахальных - острыми копытцами они могли порвать казенное имущество.

Артур и Сенечка проснулись уже после того, как оболочка просохла и овцы отхлынули. Мы еще раз прошлись по степи до того места, где корзина впервые встретилась с землей, подобрали утерянные экспонометр, патроны, Сенечкину запасную куртку, нож Артура в кожаном чехле... Потом сложили оболочку, в корзину упаковали вещи.

Я развернул рацию. Она, конечно, не работала после такой "мягкой посадки".

Стало припекать. Мы вылезли из меховых одежд, оставшись в свитерах и спортивных брюках.

- Где же все-таки люди? - недоумевал Артур, как бы спрашивая овец, безмолвным кольцом окружавших нас.

Развернув карту, Сенечка проговорил:

- В семи километрах к северу от нас Карабулак. Восточнее, в десяти, Джанысгой...

- Если из поселков нас не заметили, то чабаны-то должны увидеть! Может, прячутся?

- У нас рога, что ли? - сказал Артур.

Вдруг он замер. Мы оглянулись. Со всех сторон, обкладывая нас, как волков, мчались всадники. Из-под копыт летела густая пыль. Лавина приближалась. Донеслись воинственные крики, гиканье. Наездники мчались, держа наперевес ружья и вилы. Сенечка потянулся к "Барсу", но Артур одернул его:

- Не смей! Затопчут!

- И пойдем, как бычки, под кувалду? - огрызнулся Сенечка, хотя видел, что остановить выстрелами осатаневшую лавину уже было поздно.

Передние на всем скаку попытались затормозить, но налетели задние, образовалась куча мала. Я и рта не успел раскрыть, как кто-то заломил мне руки за спину, туго перетянул их веревкой. Рядом ожесточенно бился Сенечка. Артур кричал, однако его вопли не доходили до торопких, деловых степняков, привыкших укрощать не то что людей, но трехлеток-жеребцов. Дольше всех отбивался Митька, однако и он скоро исчез из поля зрения. Что стало с Прошкой, никто из нас сказать не мог.

Через минуту-другую мы тюфяками валялись в пыли - обезоруженные и грязные. Один из всадников-крепышей в лисьем малахае и спортивном пиджаке в клеточку поднял руку с плеткой на кисти.

- Кто такие? - крикнул он фальцетом.

- С этого бы и начали, чем руки-то ломать, - подал голос Артур.

Всадник кивком сделал знак. Двое спрыгнули с коней, подхватили Артура, поставили на ноги.

- Все наши документы в планшете.

Кто-то разыскал сумку, услужливо подал всаднику в малахае. Тот читать не стал, а засунул планшет за голенища сапог.

- Разберемся. - Он стегнул низкорослого конька, крутнулся на месте и вынесся из круга.

Мы не успели слова сказать. Нас перекинули через седла и погнали лошадей. В нос бил крепкий запах конского пота и полыни. В глаза, рот и ноздри летели ошметки земли - сухой, соленой на вкус. Иногда с галопа лошадь переходила на рысь. Тогда тряска делалась совсем невыносимой. Я завозился, пытаясь переменить положение тела, но получил удар кнутовищем. Захлебываясь от боли и злости, стал крыть своего лиходея, его родителей, бабушек и дедушек.

- Дай передохнуть, мочи нет!

Мучитель натянул поводья:

- Хочешь, в седло посажу?

Не дождавшись ответа, он поднял меня за шиворот, вставил в седло, сам уместился на крупе. Я разлепил глаза. Впереди мчалась основная орда. Там Арик и Сенечка. Сзади и по бокам неторопливо рысили те, кто отстал.

В поселок нас не повезли. Сгрузили на выгоне и затолкнули в пустую овчарню. Сквозь маленькие оконца мутно тек солнечный свет. Хотя мы не завтракали, но голода не чувствовали, зато скоро стала терзать жажда. Пить хотелось мучительно. Артур подошел к воротам. Сквозь щели иссохших досок виднелась жердь засова. Он пнул ногой. Приблизился пожилой стражник с двухстволкой на ремне, что-то пробормотал по-казахски.

- Пить дай, басмач! - рявкнул Артур.

Караульщик выпалил длинную фразу и ушел в саманную сторожку, где собирались овцеводы в зимние дни. Прошло минут пять. Убедившись, что стражник нас поить и не думал, Артур стал колотить плечом в ворота, поскольку руки у него были связаны. Казах рассердился, стал что-то кричать, гневно потрясая оружием.

- Дай пить, палач!

Сторож потоптался перед воротами, опять протрещал какую-то фразу и ушел. Он больше не показался из домика, хотя Артур раскачал ворота так, что они едва не слетели с петель.

- Лучше развяжем руки, - подал мысль Сенечка.

Мы занялись этим делом, но оказалось, что степняки вязали узлы не хуже любого боцмана.

К нашей радости, у деревянного корыта в желобе скопилось немного тухлой воды. Слизывая остатки, я увидел ржавую скобу. Ею была пришпилена колода к стене. Я начал перетирать веревку о скобу.

Снаружи послышалось негромкое повизгивание.

- Митька!

Пес обежал овчарню, однако лаза не нашел. Тогда вынюхал место, где можно скорей к нам прокопаться. Артур ногой стал разгребать мусор, чтобы облегчить собаке работу. Вскоре показалась лохматая голова. Митька поочередно облизал всем руки и лица. Сенечка подставил ему узел, надеясь, что собака поймет, разгрызет зубами. Однако четвероногий воздухоплаватель тут оплошал. Он никак не мог понять, чего от него ждут. Махал хвостом, юлил, но к веревке не прикасался. Тем временем я перетер веревку, помог развязаться Артуру и Сенечке.

Неожиданно родился дерзкий план: вылезти через Митькин ход наружу, отобрать у сторожа ружье и взять заложника в обмен на ведро воды и свободу. Конечно, опасно было подставлять себя под внезапный выстрел. У степняков ухо чуткое, рука быстрая. Но не подыхать же, пока разберутся!

Однако осуществить это намерение не успели. Мы увидели приближающуюся со стороны поселка толпу.

- Будут линчевать, - изрек Артур.

Первыми примчались мальчишки. Они облепили щели в овчарне. В проем двери рванулся ослепительный свет. Раскинув руки, в затхлый полумрак вбежал наш коренастый знакомый в лисьем малахае и клетчатом пиджаке:

- Ах, какая промашка! Простите, товарищи дорогие!

Дюжие молодцы подхватили нас под руки, поддерживая и на ходу рассыпаясь в извинениях, вывели на свет божий.

- Пить дайте, - пошевелил пересохшими губами Артур.

Словно из сказки, появилось ведро с холодным айраном. Какой-то мужичонка, учитель или местный культработник, сообщил, что в поселке будет митинг, потом обед, отдых...

Ну и поплыло, завертелось. Из центральной усадьбы приехал председатель колхоза с членами правления и активистами. Прилетел вертолет с областными чинами. В вольной степи у камышового озера жарко заполыхали костры. На скатерти посыпались горы баурсаков - пресных пончиков на бараньем сале. Сытным запахом вареного мяса и лапши потянуло от многоведерных казанов. Казахи сделали бешбармак. В свете костров багрово лоснились возбужденные лица, на темных пальцах сверкал жир. Митька с Прошкой, объевшись, не казали носа, отсыпались где-то.

Из района прибыла клубная самодеятельность, играли домбры, танцевали девушки в национальных костюмах, юнцы показывали искусство верховой езды и борьбы. Как выяснилось, мы попали в степную глубинку, в одну из дальних бригад, которой командовал крепыш в малахае. Чабаны, увидев в вечернем небе спускавшийся шар, побросали отары и примчались к нему с вестью на взмыленных конях. Бригадир слышал о шпионах, которые на какие только хитрости ни пускаются, лишь бы перескочить через наши пограничные рубежи. Поскольку телеграфной и телефонной связи не было, он тут же послал нарочного на центральную усадьбу, находившуюся чуть ли не в сотне километров отсюда. Сам же с верными людьми обскакал ближайшие аилы, поднял народ, вооружив всем, что под руку подвернулось. Утром теплекькими он взял нас в полон.

Нарочный тем временем добрался до председателя. К нему уже пришла телеграмма о возможности приземления аэростата на колхозной территории. Его просили позаботиться о воздухоплавателях и организовать отправку их имущества в Москву. Боевого и скорого на расправу бригадира председатель хорошо знал. Он тут же погнал нарочного обратно, дав лучшего иноходца, а вскоре и сам выехал навстречу, прихватив с собой членов правления.

Когда мы со всеми перецеловались, объяснились в вечной дружбе, я, улучив момент, подступил к бригадиру:

- Скажи, приятель Жонатай, куда девался термос с кагором?

- Какой кагор, зачем кагор? - заволновался простодушный Жонатай, пряча глаза под рыжим малахаем. - Кушай барашка, пей кумыс, пожалуйста. Не надо кагора!

Я понял, что редкий напиток, добытый Марком Исаевичем Стрекалисом, уже не вернешь. Новые друзья собрали все

потерянные при посадке вещи, отыскали в степи даже мою авторучку и ремешок от унта Арика, однако кагор исчез, будто его и не было.

Через три дня оболочку, приборы и другое казенное имущество погрузили на машины и отправили к железнодорожной станции. Сеня поехал сопровождать груз, захватив с собой Митьку и Прошку. Нас с Артуром доставили до Алма-Аты и оттуда на рейсовом Ту мы вылетели домой.

В пассажирском салоне было уютно и тепло. Внизу, клубясь, меняя очертания, плыли облака. Еще недавно мы трогали их руками.

Доведется ли вновь изведать то непередаваемое чувство, какое возникает лишь в полете на аэростате, когда не гудят двигатели, не вибрирует кабина и на сотни километров вокруг стоит глубокая, царственная тишина?

Профессор Огюст Пикар, изобретатель батискафа и стратонавт в молодости, яростно защищал воздухоплавание. Полемизируя с противниками, он задавал вопрос: будет ли воздушный шар окончательно забыт, сдан в музей? Нет, утверждал он. Шар все же останется свободным аэростатом, и на него будут смотреть как на прекрасный вид спорта.

Свободный аэростат служит свободе, наблюдательности, прогрессу, возвышению души, доказывал Пикар. Не достаточно ли этого? Мы, воздухоплаватели, высоко ценим свободный аэростат. Кто обвинил бы швейную машину за то, что она не способна молоть кофе? Кто осудил бы кофемолку за то, что она не может шить? Хороша сама по себе всякая вещь, выполняющая свое назначение.

Разумеется, самолетом управлять легче, чем аэростатом. Но нам показалось обидным, что у нас такому великолепному изобретению позволили умереть.

Удастся ли вернуть к жизни воздухоплавание в нашей стране?

Хочется верить - удастся. Американцы, англичане, французы, итальянцы вовсю парят на воздушных шарах, устраивают спортивные гонки, штурмуют высоты, перелатают через Атлантику и Альпы, прыгают с них с парашютом, изучают погоду... Новые дакроновые оболочки прочнее и легче допотопного прорезиненного шелка и умещаются в обычном багажнике легковой машины. Подъемную силу дает им теплый воздух от горелки, питаемой пропаном или бутаном из обычного баллона.

Кроме метеорологических исследований и спортивных перелетов, аэростат с успехом мог бы работать на картографию - в

точной съемке местности, на геологию - в поиске ископаемых.

Аэростаты пришли на помощь даже такой далекой от воздухоплавания науке, как археология. Американский профессор Кент Уикс, например, отправился в свою археологическую экспедицию в Египет в гондоле воздушного шара. С высоты птичьего полета он прощупывал землю магнитометрами и радарами, искал развилины и захоронения.

Разве нам не под силу создавать легкие и надежные синтетические оболочки, сделать удобные горелки для подогрева воздуха, найти безопасные газовые смеси? Неужели мы так и не станем заниматься этим замечательным, полезным делом?! Аэростаты имеют на небо такое же право, как самолет, планер, дельтаплан. И пусть уже не мы, а более молодые и дерзновенные полетят на них к облакам.